

Литературный МОЯК

№ 7
(246)

Слово редактору

Любезный читатель, здравствуй!

Июль на дворе - макушка лета. Время жаркое, рабочее и праздничное одновременно.

В городах, поселках и деревнях шумят фестивали, ярмарки, новые и старые праздники. Только в Вологде уже прошли: театральный фестиваль, ремесленный фестиваль и даже фестиваль европейского кино...

Праздники - это, конечно, хорошо. Особенно, когда они не придуманы, не навязаны, а из души народной сами выплываются. Умели, умели и раньше праздновать-отдыхать. Почти в каждой деревне был свой «обещанный» праздник, посвященный обычно какому-то святому или иконе, или дню церковной истории. И собиралась вся округа, и пели, и плясали... Я в детстве сам успел застать именно такой праздник. Почему-то называли его «десятая». Выставлялись столы, настилалась на землю мостки, начиналась «топотуха». Не было дорогих артистов из города, не было районного начальства. Но было весело. Правда, наверное, мало кто помнил и сознавал духовную составляющую того праздника. А надо бы помнить-то... Я вот только недавно узнал, что «десятая» - это десятая пятница после Пасхи, а почему ее праздновали, и по сей час не знаю (но постараюсь узнать). Надо знать, надо помнить...

Но память - это не всегда праздник. Память - это и горечь, и покаяние. Вот наступило столетие страшного события в нашей истории - в ночь с 16-го на 17-е июля 1918 года были бессудно убиты Царская семья и четверо слуг... Николай, Александр, Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, Алексей. Комнатная девушка императрицы - Анна Демидова (уроженка Череповца), повар Иван Харитонов, камердинер Алексей Трупп, врач Евгений Боткин...

Только представить себе: ночь, Царь на руках несет больного сына, за ним жена, дочери, слуги... В них стреляли, добивали штыками, сжигали. За что? За что? Вот нам бы и это все не забыть в череде праздников, фестивалей и ярмарок.

**Дмитрий
ЕРМАКОВ.**

А это, братцы мои, мне еще дед мой рассказывал...

В Первую мировую войну он сначала на фронте был. Там попал под газовую атаку немцев. Чудом выжил, с тех пор все покашливал...

В госпитале он в Петрограде оказался. Когда поправился, его уже на фронт не отправляли, остался в столице в какой-то запасной команде.

В феврале семнадцатого началось: «Свобода! - кричат. - Революция! Вся власть Советам!»

Было дело, и дед с красным бантом на серой шинели по Невскому ходил. Рассказывал, что был среди тех, кто Ленина на Финляндском вокзале встречал, это когда Ильич с броневика-то выступал...

И вот как-то раз пришел в их казарму из Совета рабочих и солдатских депутатов человек, весь в черную кожу одетый. «Вам, - говорит, - товарищи, поручается ответственное задание - содержание под стражей граждан Романовых».

Не сразу солдаты и поняли, что это за граждане такие, потом уж сообразили, что это Царская семья. Царя-то его генералы заставили отречься от престола.

Поехали дед и его сослуживцы в Царское село. Тот, в черной коже, вместе с ними. Офицер, командир отряда, у них свой был. А «черный» - комиссаром стал.

Под казарму отдали им флигель рядом с дворцом. Там и жили, по очереди в караулы ходили. Много раз дед видел и Царя с Царицей и их детей - четырех Царевен и Царевича.

Когда они выходили в парк на прогулку, бывало, солдаты их и задевали словом: «Ну, что, - мол, - граждане Романовы, нацарствовались? Пора бы вас и из дворца выселять!»

«Так выселяйте, братцы, мы теперь в вашей власти», - ответил однажды сам Николай - бывший Царь.

Один случай особенно запомнился деду. На Пасху было дело. Стояли в карауле у выхода из дворца вдвоем - дед и еще один, из тех, что любили над «бывшими» посмеяться. Смотрят, идут Царевич и сестра его, Анастасия. Алексей - мальчишка лет тринадцати, в солдатской форме, в фуражечке, сапоги у него блестят (говорили, что каждое утро вместе с отцом сапоги начищали). Идет - улыбается, светлый весь, как лучик. Царевна - как яблочко наливное - плотная, румяная, улыбчивая...

- Христос воскрес! - Алексей им говорит.

- Воистину воскрес! - оба солдата ответили.

Но второй-то, что с дедом

Дмитрий ЕРМАКОВ

Утро Пасхи

(рассказ старого вологжанина)

вместе стоял, тут спохватился, давай дразнить опять:

- Что ж, Алексей Николаевич, не пришлось тебе поцарствовать?

А Царевич серьезно так посмотрел и говорит:

- Как же вы теперь без Царя-то будете?

Оба и обмерли. А на деда тут

кашель напал, он сдержался, в кулак пару раз перхнул... А Настя, сестра-то Алексея, руками всплеснула:

- Да у Вас же кровь! - платочек кружевной достала и сама кровь-то у дедовых губ вытерла... Хотя, какой он тогда дед был - двадцать с чем-то годов ему было.

- Вам, - говорит она, - надо в больницу, лечиться, а не на посту стоять.

А дед-от отвечает ей: - Ваше Высочество, платочек-то испачкали...

- Ничего, я постираю, - она в ответ.

- Кружевной платочек-то, такие у нас в Вологде плетут... Вот возьмите, будьте так добры, это моя матушка плела, мне дала, когда на фронт уходил, - и достал из кармана шинели платочек - материну работу.

- Какая прелесть! Взглянула Настя у солдата платочек, а ему свой отдала.

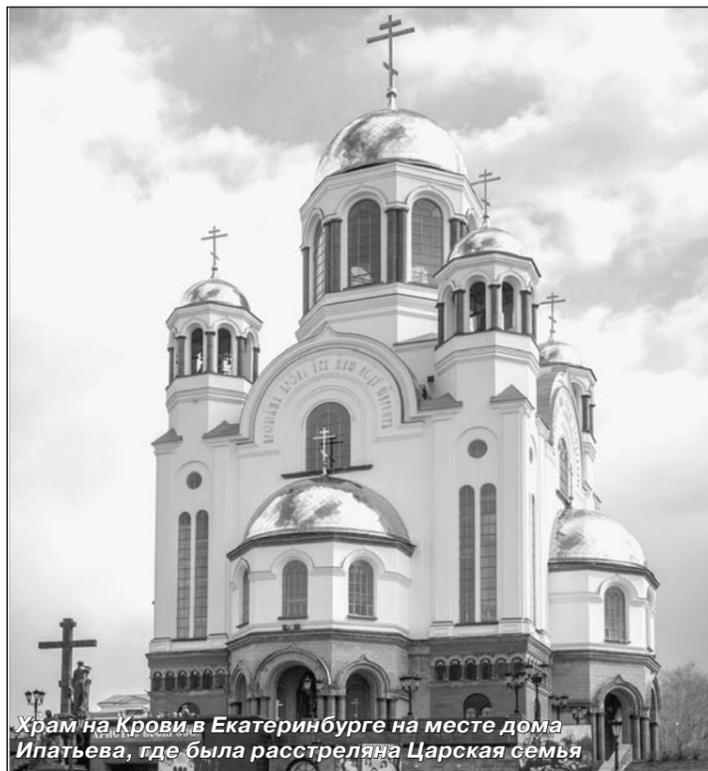
А Алексей все это время позади стоял, разговор сестры с солдатом слушал.

- Спасибо, солдат, - сказал.

- Спасибо, передайте благодарность вашей матушке, - сказала Анастасия.

И пошли по дорожке парка... А солнышко-то так и играет над ними - утро Пасхи...

Деда после того караула из этого отряда убрали, вернули в Петроград. А потом - Октябрьская революция, Гражданская война. Слышал он, что увезли Царскую семью куда-то на Урал... А как узнал, что убили их всех, заплакал тайком, ведь служил-то он в Красной Армии... Мне, когда уже старый-старый был, рассказывал. Может, я и напутал чего, ведь и мне-то годов немало...

Храм на Крови в Екатеринбурге на месте дома Ипатьева, где была расстреляна Царская семья

Татьяна Кудряшова, один из призеров конкурса «Заветное слово», итоги которого были подведены в июне. Живет в Соколе. В «Литературном маяке» публикуется впервые.

Татьяна КУДРЯШОВА

«Два полюса»

***
 Вдыхало море,
 как зверь голодный,
 Лизало жадно песок холодный,
 Клубилось небо, гремели тучи,
 Врезались в землю
 дождем шипучим.
 Рыдало море, летели волны,
 Хлестали берег наотмашь
 сонный,
 Сверкали чайки
 над кручей стылой,
 И жизнь казалась
 совсем немилой...
 И, словно тучи
 в небесной ссоре,
 Кипели в сердце любовь и горе.
 Кипели жарко в одном сосуде,
 Но время властно,
 и время студит...
 Утихли ветры, умчались годы,
 И нет на сердце плохой погоды.

***
 На погосте сегодня тихо:
 Ни кузнециков, ни ворон...
 Притаилось людское лихо,
 Зорко смотрит со всех сторон.

Здесь, листая жизни страницы,
 Вспоминаю тех, кого нет,
 Здесь, на фото,
 печальным лицам
 Не подарит тепло рассвет.

Неслучайно совсем,
 быть может,
 Вижу с фото знакомый взгляд:

Тетя Тася... она похоже...
 И строка неизбежных дат.

Приоткрылась былая рана:
 Помню, девочкой лет семи
 Я вставала в очередь рано,
 Чтобы хлеб купить для семьи.

Хлеб везли!
 Волновались люди,
 Предо мною росла стена,
 Гнев и ругань, всю тяжесть буден
 Испытала я там сполна.

И тогда, словно помощь с неба,
 Тетя Тася навстречу шла,
 Мне буханку ржаного хлеба
 Высоко на руках несла.

Тетя Тася...ах, тетя Тася!

Добрый ангел, свидетель бед,
 Ветер времени не загасит
 Память детских далеких лет...

***
 Клен шелестел вихрастый,
 Цвели васильки во ржи,
 Вечным казалось счастье,
 Без грусти, тревог и лжи.

Звезды катились с выси
 И гасли где-то вдали,
 Годы прошли, но в письмах
 Остались слова любви.

Крепким, хрустящим настом
 Зима на поля легла,
 Здравствуй, любимый,
 здравствуй!
 Печаль у меня светла...

Ходит мороз трескучий
 С продрогшей, седой луной,
 Вьюга шепталась с тучей,
 Что ты навсегда чужой...

Счастье храни...и здравствуй,
 Без грусти, легко живи,
 Снись иногда мне сказкой
 О первой моей любви...

МАЛОЙ РОДИНЕ

Родина пахнет хлебом,
 Теплым парным молоком,
 Вьюгою, мокрым снегом,
 Печки горячей теплом.

Ветром, листвою, мятой,
 Чистой водой ключевой,
 Алым хмельным закатом,
 Ливнями, градом, грозой.

Родина пахнет садом,
 Сенном и пылью, жарой,
 Грустью и листопадом,
 Спелой травой луговой...

Ландышем пахнет, дымом,
 Первым свиданьем весной,
 Платишком темно-синим,
 Сшитым в детстве самой.

Мужеством пахнет, миром
 И добротой людской,
 Кроткой деревней сирой,
 Жгучей, неясной тоской.

Полям тропинка вьется,
 Рощей бежит молодой...
 Радостней сердце бьется:
 Родина снова со мной.

Есть у меня два полюса... О. Фокина.

Есть у меня два полюса,
 Южный - там дом родной,
 Там я родилась в Троицу,
 Счастье нашла с тобой.

Дружно, с чистою совестью
 Жили отец и мать,
 Люди на южном полюсе
 Любят их вспоминать.

Там земляничкой спелую
 Лето мое цвело,
 И под луною белою
 Было душе светло.

Там, где от счастья пьяные
 Мокли мы под дождем,
 Все заросло бурьянами,
 Все завилось плющом.

Сердце мое упрямое
 Просит на юг спешить,
 Родина, пусть с бурьянами,
 Мне помогает жить.
 ... Травы играют росами,
 Воздух пробит грозой,
 Там надышусь я досыта
 Свежестью голубой.

Море мне песню грустную
 Тихо поет не раз,
 Я величавость чувствую,
 Шумный его экстаз.

... Дружба горем проверена,
 Дом, работа, семья -
 Это мой полюс северный,
 Жить без него нельзя.

Тянется ниткой тонкою
 От севера к югу жизнь,
 Ветер шумит вдогонку мне:
 «За полюса держись!»

Еду на север осенью,
 Еду на юг весной,
 Этот маршрут не бросить мне,
 Он навсегда со мной.

***
 Когда сирень
 цветет запойно,
 и светит нежная луна,
 в хмельном
 сиреневом застолье
 я пьян без всякого вина!

Чудесным
 запахом сирени -
 она растет
 во всех дворах! -
 насквозь
 пропитана деревня.
 Сиренью
 белый свет пропах!

Так сладок он!
 Волнует кровь.
 Замешан
 на весны цветенье
 и соловьев
 горластом пенье.
 Чист,
 словно первая
 любовь!..

***
 По душе мне рассвета
 дремотный покой,
 Тишина когда в мире и нега.
 День томится еще
 в колыбели земной.
 И не чувствуешь времени бега.

Ежик шустро
 в росистой траве прошуршал.
 Перья чистит на ветке синица.
 Первый солнечный лучик
 ее приласкал,-
 и притихла от счастья птица...

Мне бы тоже для счастья
 немного тепла.
 Чуть сочувствия,
 ласки,
 участия...
 Да еще,
 чтобы чистою
 совесть была.

Чтобы жил с ней
 в ладу и согласье...

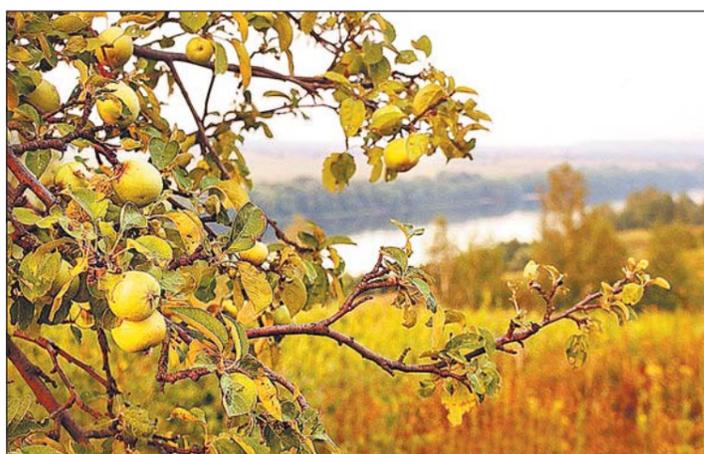
***
 Под шелест волн
 молюсь я Богу.
 В молитве -
 радость и хвала,
 что колесом опять дорога
 моя до дома пролегла.

В деревне снова!
 Утро.
 Лето.
 Сажу на берегу босой.
 Здесь было столько
 песен спето
 над тихо дремлющей
 Шексной...

Ее вольготное течение
 несет отраду и покой.
 Переполняет вдохновеньем
 и жаждой жизни
 дух речной!
 Волшебной магией согрета
 идущих из глубин лучей,
 с любого краешка
 планеты
 душа зовет
 к реке моей...

КОСТРУ
 Дымок клубится
 стружкой едкой.
 В золе мерцают огоньки.
 Теперь,
 Костер,
 с тобой мы редко
 проводим ночи у реки.

Теперь с твоим
 печным собратом
 мы закадычные друзья.

Поленья в устье ухватом
 ему проталкиваю я.

Он зол,
 прожорлив,
 ярко,
 весел.
 Он в русской печи
 бог и царь.
 Он жаркий труженик!
 Но тесен
 служения его алтарь.

Он рвется,
 рвется,
 рвется в небо.
 Да высока печи труба.
 Он на земных просторах
 не был.
 И звезд не видел.
 Не судьба...

Я тоже нынче
 к теплой печи
 прикован милостию лет.

Костер!
 Твой брат мне
 хвори лечит.
 А душу
 твой врачует свет!

ВАСИЛИЮ МИШЕНЕВУ

Не приносит ночь
 ничуть покоя.
 Мои мысли
 тяжки и горьки.
 Тщетно растираю
 грудь рукою...
 Звезд бесстрастных
 в небе огоньки...

Открываю в темноте
 фрамугу,
 жадно воздух
 уличный ловлю...
 Позвонить,
 услышать голос друга?
 Душу ему
 вывернуть свою?
 Горечи моей

сполна отмерить -
 поделиться
 болью и тоской?
 Он поймет печаль мою,
 поверит -
 сам с такой же
 трепетной душой!
 Трудно с нею жить
 в лукавом мире,
 обрести
 спасительный уют.
 Потому мечусь
 в ночной квартире,
 что покоя думы не дают!

Как мне
 с грешной жизнью
 смиряться,
 подлости людской
 не замечать?
 От тоски крошечной
 где укрыться?
 Научи, Господь,
 терпеть,
 прощать...

***
 Здравствуй, яблонька
 родная,
 ты похожа на меня.
 И головушка седая.
 И одна всегда, как я.

Почему-то облетают
 тебя птицы стороной.
 Озорно зато играет
 ветерок речной с тобой.

Я разбойнику лихому
 всей душой благоволю.
 Ласкобаю продувному
 подставляю грудь свою.

Мы по духу
 с вольным ветром
 вправду будем братовья.
 Так давай задружим
 светло:
 вольный ветер, ты и я!

Евгений НЕКРАСОВ

«Покоя думы не дают...»

Где взять писателю деньги для издания собственной книги? Прозаик Сергей Петрович Багров нашел выход из положения: премию за победу во Всероссийском конкурсе современной прозы им. В. И. Белова «Все впереди» он потратил на издание двух детских книг «Ольховое эхо» и «Кот-котович». Если «Ольховое эхо» писатель посвятил исключительно школьникам младших и средних классов Вологодчины, то «Кот-котович», где были помещены сказки, он выпустил специально для юных тотмичей. Кстати, в выпуске «Кот-котовича» участвовали и сами ребята. Есть в городе Тотма Петровская школа искусств, которую посещают рождающиеся таланты. Не случайно же эта школа более века тому назад славилась на весь мир своими игрушками. Эту традицию продолжает она и сейчас.

Руководят школой талантливые воспитатели и художники. Анна Аркадьевна Попова ведет здесь художественные уроки. Именно под ее руководством юные тотмичи и иллюстрировали данную книгу, где были помещены цветные рисунки 13 авторов.

Совсем недавно в стенах Тотемской районной библиотеки состоялось открытие «Книжной Вселенной Сергея Багрова». Так была названа одна из комнат библиотеки, несущей имя великого лирика страны Николая Михайловича Рубцова. Теперь два друга неразделимы.

На этот праздник, кроме хозяев библиотеки, пришли многие

школьники города и района, учителя, мастера и художники Петровской ремесленной школы, брат Сергея Петровича, он же постоянный редактор большинства его книг Михаил Дмитриевич Рябков, представители областной библиотеки имени Бабушкина, самодеятельные артисты города.

Багровские дни в Тотме - значимое библиотечное и литературное событие 2018 года, настоящий праздник для девочек и мальчишек, и для самого патриарха Вологодской писательской организации, которому в этом году исполнилось 82 года.

Игорь БАРАНОВ.

Как-то спросили меня:

- Ты почему про Олю Фокину ничего не напишешь? Ты же знаешь ее?

Знаю, да. Но не больше других, кто о ней уже написал. Да и вряд ли я напишу лучше их.

Вспомнился тут же рязанский писатель Алексей Хлуденев. Он когда-то жил в Вологде, работал вместе со мной в редакции «Вологодского комсомольца». Наши столы стояли друг против друга. Потом он уехал к себе в Рязань. Часто Вологду вспоминал. Как-то даже в одной статье добрым словом упомянул Рубцова с Беловым. Вспомнил и Ольгу Фокину: «Она, словно луч солнышка, заглянет в редакцию, такая доброжелательная, милая, и станет от этого всем светлее...»

Об Ольге Александровне и сейчас говорят немало. А вот о муже ее, бывшем выпускнике Литинститута, прозаике от Бога, друге Николая Рубцова Александре Чурбанове вряд ли уже кто расскажет. Поэтому я о нем - хотя бы кусочек воспоминаний.

В Вологду Александр приехал вместе с Ольгой Александровной сразу же после учебы в Литературном. Импульсивный, горячий, он как-то быстро оброс общительными друзьями. Кто только среди них и не был! Герман Александров, Олег Кванин, Сережа Чухин, Леонид Патралов, Герман Цветков. Всех и не перечислишь. Чурбанов был прирожденный рассказчик, к тому же большой шутник и душа-человече. Липли к нему, кто вышел где-то с первым стихотворением, кто умел писать что-то в прозе. Да и сам Чурбанов к себе притягивал чем-то необъяснимым. Красивое, к чему-то взывающее лицо. Спортивно сложенная фигура. В темно-карих его глазах было что-то от знающего о судьбах.

На первых порах Вологда встретила Александра гостеприимно. Здесь он писал повесть «Море соленое», которую вскоре опубликовал журнал «Север». Вологжане читали повесть, спрашивая друг друга: «Кто автор? Кто он такой? Вот бы встретиться с ним!»

Чурбанов был счастлив! Вскоре он окунулся в колхозную жизнь. Уехал к поэту Олегу Кванину в деревню Большое Денисьево, где написал острозащитный очерк о гуртоправах, тех самых скотоводах-погонщиках,

кто за десятки верст сопровождает животных к месту убоя. Получилось страшное по своей откровенности повествование. Оно тоже нашло свое место в журнале.

Собирался Чурбанов осесть в Вологде навсегда. Но для этого предстояло где-то найти работу. Не жить же ему как иждивенцу, за счет гонораров жены. Потому он однажды и появился в обкоме партии. Заведующий сектором печати Василий Тимофеевич Невзоров, человек, не для каждого благосклонный, имевший прозвище Вася Темный, принял его хорошо, пообещав трудоустроить в одну из многотиражек.

Александр сразу же, не откла-

О. С. Белова (свидетель), Ольга Фокина, А. Чурбанов, неизвестный

А. Чурбанов с дочерью Ингой

дывая, - в эту многотиражку. Но спешил он туда напрасно. От обкома партии до завода, где собирался писатель работать, минут 30 ходьбы. За это короткое время Василий Тимофеевич успел снять телефонную трубку и тайно предупредить:

- Сейчас к вам придет некто Чурбанов. Будет устраиваться на работу. Подумайте, прежде чем посадить его за редакторский стол. Человек он себе на уме. Беспартийный. С моралью не все в порядке. Одним словом, не наш...

Не получилось с работой у Александра. Что делать? Что делать? Чаще всего в такие тоскливые дни приходил он в нашу редакцию. Здесь были

не только пташки коротенького полета, но и подлинные орлы. Здесь можно было прийти в себя от непредвиденных потрясений. В один из таких тусклых дней в редакцию позвонили, сообщив из роддома, что в семье Чурбановых пополнение.

О, как засиял от радости Александр! Сразу же из редакции и метнулся. Вместе с ним разделить его радость метнулся и Коля Рубцов, находившийся в это время в редакции. Я к ним тоже присоединился. Втроем к роддому и подвалили.

В приемную нас не пустили: был тихий час. Тогда мы чего? В садик перед роддомом! К окну. Но - то на втором этаже. Остановились против палаты. Шампан-

ского бы сейчас! Однако и без него было нам превосходно. В три голоса объявили на всю Чернышевскую улицу:

- Позд-рав-ля-ем!!!

Кинули вверх три шапки. Одна из них на пару секунд засела в оградке балкона.

К окну с комнатной стороны подошла Оля Фокина. В руках у нее - развернутый лист из школьной тетради, где гигантскими буквами, как для малышей: «ИНГА!»

У поэтессы родилась дочка! Событие из событий! Не только в тот день, но и позже мудрый голос судьбы строго спрашивал: кем она станет? Тот же голос, но годы спустя так же строго и отвечал:

- Той, кто маму свою повторит...

О, время, время. Уйдет однажды в свое бессмертие неукротимый Коля Рубцов. Уйдет туда же и Саша Чурбанов. А Инга останется. С мамой. И вот она скажет:

...А жить не страшно не уметь! - Писали из военучилищ...

И не боялись умереть, Как будто жизнь уже случилась.

Сказала Инга, кажется, за Рубцова. Сказала и за отца. А если быть поточнее, сказала она за тех, кто из свершившихся дней в будущие - восходит.

Далекое, но незабываемое. Как видение, оно всегда возле сердца.

Сергей БАГРОВ

Душа-человече

Инга ЧУРБАНОВА

Из Огарева

«Вблизи шиповник
алый цвел,
Стояла темных лип аллея...»
Н. Огарев

Я помню, да, шиповник цвел,
Стояла темных лип аллея,
И под гуденье юных пчел
Июнь вздымался, розовея.
И пах шиповник слаще роз,
И сердце билось,
будто в битве,
Но каждый день
из сердца рос,
Светло слагаясь, как молитва.
И было весело не знать,
Что в мире

все перевернулось,
Что новоявленная знать
Переписала нашу юность.
И наши мальчики служить
Ушли странною незнакомой,
Они не научились жить,
Они учились, но другому:
А жить - не страшно не уметь! -
Писали из военучилищ...
И не боялись умереть,
Как будто жизнь -
уже случилась.

***

Если ты потеряешь меня,
Ты узнаешь у черной черты:
Ничего нет твоего, чем я,
Ничего нет моего, чем ты.

А пока, у рожденья черты,
Лишь в моей голове толчея:
Ничего нет моего, чем ты,
Ничего нет твоего, чем я.

***

Все будет, как быть положено:
Не в молодости,
так в старости.
...Трава умирать накошена,
А пахнет - медовой радостью.

Цветами и сладким запахом -
Уйти не спеши! - приковывает!
...Пока росла - жгла,
царапала,
А скошена - лежит шелковая...

Играючи ноги трогает,
И гладит, и шепчет ласково...
Пока росла - была горькая,
Скосили - и стала сладкая!

Скосили - и стала легкая,
Как в самой далекой
младости...
...Трава умирать накошена,
А пахнет -
медовой радостью...

Виталий Ламов живет в Тарногском районе, пишет прозу и стихи, публикуется в периодике, автор нескольких сборников. Возглавляет районное литературное объединение «Родники»...

Эта книга стоит в знаменитом ряду среди других книжных «шеренг». В «почетном карауле»! Больше! Она поставлена в мавзолей моей души! На переплете восхитительный рисунок: синяя зимняя ночь. И синяя птица на фоне огромной оранжевой луны. Простая, но притягивающая и завораживающая картина. Сказочная!..

- Мама, почитай! Мама, почитай!

Матери, пришедшей с темного и холодного телятника, вытянувшей руки от переноски десятков ведер и выломавшей эти же руки вилами с сеном-соломой и им обратным, хотелось отдохнуть. Прилечь на примостку (нары) к печке, чтобы унять болезненную ломоту в теле, немного погреться. Но ребенок, с присутствием детства эгоизмом, не отступался:

- Мама, почитай!

- Ну, тебя, - отмахивалась матушка, но все же садилась к керосиновой лампе и брала местную газету. Дошкольному слушателю не важен был смысл прочитанного. Он внимательно всматривался в текст и со временем стал угадывать читаемые буквы и строчки. Так я научился читать.

...Содержание книги было под стать чарующему «лицу» книги - ее корочкам. Все о лесе, животных, охоте... особый познавательный интерес несли фенологические заметки. Притягивали оригинальное расположение материала и авторские фотографии.

медом ложились в распахнутое сознание, жаждущее этого познания. Познания живой природы своей родины. Ложились...

Брат матери жил в Ленинграде. Однажды в посылке из города обнаружили три детские книги. Слух о ново-

ги, словно цветы летние луга, и привлекают читателей. Годы, десятки лет прошли, но помнится, как я первую красочную книжку объемом несколько страниц, приютившись на печке, «проглотил» за... неделю. Доморощенный читатель начинал понимать смысл

подушку, где несколько ранее хранил деревянные игрушечные пистолетики. Это издание «За синей птицей» («Северо-Зап. кн. изд-во», 1969 г., отпечатано в областной типографии Вологды) стало закладным книжным «кирпичом» моей библиотеки. В этой книге счастья душа почерпнула и знания, и радость, и красоту, и стойкость духа в выборе жизненной профессии. Лесной профессии!..

Те первые книжки не выдержали испытания полувековым временем. Не богатой была и есть деревянная книга. Не тяготеет к книжным собраниям. Дело тут не в уровне культуры, а в вековом жестком укладе жизни сельчан. Не хочется говорить об этой ситуации с привкусом ягод калины. Ведь мы говорим о книгах и, значит, о радости. Вспоминаем свою любимую книгу, а, значит, поем о счастье. О счастье обретения любимой книги, а потом умиротворенного пожизненного владения детским сокровищем.

... Мое книжное собрание содержит все книги И. Д. Полуянова. Благодарен судьбе за то, что свела и познакомила лично с писателем. Вечная память и слава авторам, заносившим ростки к доброму познанию бытия; любви к людям, зверушкам и птичкам, деревьям и травам; ко всему окружающему божему миру. Как здорово, когда у детей и подростков появляются любимые книги и остаются с ними по жизни. Хвала таким книгам счастья и их авторам!

Виталий ЛАМОВ

Книга счастья

испеченном «читателе» разошелся, видимо, среди родственников. Это были небольшой сборник стихов А. С. Пушкина, «Сказка о попе и его работнике Балде» и ... «Ленин в Швейцарии». Две последних книжечки имели крупный четкий шрифт и яркие цветные картинки.

... Да, я уже был молод не по-детски. В деревне рано взрослеют. Мне было около 13 лет, и я как будущий охотник самостоятельно открывал свой лес и мечтал о ружье. Однажды узнал о существовании организации «Книгапочтой» в Вологде на Мира. Организации, радость дарующей. О,

счастье! В списке предлагаемых книг встретилось имя знакомого писателя с его книгой «За синей птицей». Полуянов!.. Иллюстрации украшают кни-

текста. Дальше дело пошло быстрее.

... Иван Дмитриевич Полуянов уже стал моим любимым писателем. Ведь он писал о близком, родном и желанном. Позже я узнал, что этот писатель и родом из соседнего Нюксенского района. Мною, с азартом кладоискателя, была исследована и перерыта школьная библиотека. Простудированы встретившиеся полуяновские книги «В зеленое оконце» (1964 г.), «Певучий мостик» (1966 г.), «Где рождаются облака» (1968 г.). И вот настал час обретения своей книги И. Д. Полуянова. Живо помню, как я бережно развернул бандероль и увидел синеву филина, сидящего на заснеженной хвойной ветке. Сзади оранжевым цветом круглилась полная луна. Синяя птица удачу в синей ночи леса!

Я с трепетом вдыхал чудные запахи простой бумаги и типографской краски, листал страницы и снова любовался обложкой. На ночь клал книгу под

Моя, уже не детская, а скорее юношеская, душа стремилась к познанию природы. Волшебные тексты этого издания бальзамом, елеем,

Сегодня мечен пробой
каждый час,
И миг дороже
слитка золотого.
Жить надо так,
чтоб помнили о нас,
Ценили
нами сказанное слово.
Иван Зауткин

Яркое солнце оставалось в мире и в следующие дни. В целый ряд дней. Светило... ярко светило. Ночные холода продолжали держаться. В них был тот плюс, что по утрам имела возможность начертить лыжами на мартовской снежной целине свою графику. Не было бриллиантов! Не было...

- Эй! - по своей деревенской простоте бесцеремонно окликнул сосед и обвел рукой кругом головы. Понятно! Соседушка попросил для себя услуги цирюльника. Бесхитростно потребовал срезать подростый волосной венчик под вид макушечной лысины. Зная, что это чревато, все же с ножницами направил свои стопы через уличный «проспект». Направил. Не в ту сторону. Хотелось-то в лес! Тянуло... Побрел не туда... Не к свету. В сумерки.

В этот первый день весны было много солнца. Света обильно. Чистоты. Блеска. В первый день весны календарной. Весь мир был усеян «алмазами». Каждая веточка на деревьях, всякий сугроб искрились и переливались, играли и радовали, удивляли и восхищали. Всю природу украшали «драгоценности». Природа, этот великий ювелир, огранила алмазы, и они засверкали благородным светом брилли-

антов. Так руки мастера из простого, грубого материала создают красоту и совершенство. Куржак*, подсвеченный ярким солнцем, украшал даже помойки. Весь мир, как корона монарха, источал блеск драгоценностей. Бриллиантовый день!..

...Когда хозяин выставил на стол расчет, оставалось желание любоваться через окно на лучистый блеск. На союз инея и солнца. Оставалось. Потом затеяли безобидную игру в шахматы. Взгляд же продолжал держаться на ветвях уличной березки. На союзе изморози и света. Продолжал. Была потеряна важная фигура... Проигрыш не оставил эмоций. Истинным желанием были «смазаны» лыжи. Звала лыжня, путь к лесу. Там бриллиантового очарования было куда как больше. Хотелось в него, под него, под сень причудливых огоньков. Под их осыпь, когда нечаянно встряхнешь прут.

...Природная уличная басота** держалась удивительно долго. До полудня. На столе, однако, стояло... Бриллианты в чашечке весов природы не могли храниться целый день. Не могли... Время не умеет стоять и ждать. Не может ожидать даже мгновение. Ни для кого. Ни для чего. Не может. За полдень красота природы угасла. Чашечки весов времени качнулись. Сместились. Перевесила та, что не в свою пользу. Перетянула.

...Солнце продолжало оставаться и в следующие дни. Светило. Даже грело. Не было

бриллиантов. Не повторились. Изрядный утренний минус позволял рисовать свой скромный лыжный чертеж. Читать звериное многослесье. Без бриллиантовой красоты. Без того чудного блеска и очарования, что были предложены природой. Аккурат, первого мартовского дня! Не подобрал. Упустил. Потерял.

Одиночество и лес располагают к раздумьям. Что значит потеря одиночки, живущего на опушке жизни? Любые его издержки мало чего значат для большого мира. Формула жизни сложится без этого атома. Состоится... С горки лыжи катят сами. Широкие охотничьи, но несут. Вниз. Катятся, словно годы после пенсии.

На весах страны подвешен такой бриллиант, как Русь деревенская. Чаша тех весов зависла над пропастью. Склонилась во мрак. В небытие. Много, тяжело провисла. Добавится ли добра и справедливости в другую чашу? В противовес? Добавится ли...

После спуска где-то всегда ждет угор***. Замедляется лыжный ход. Тяжелют мысли. Куда же повернуть носки лыж? Знание вырубленных лесов, заросших полей и наволоков не надевает уверенность. Не подсказывает направления. Многие знания тяжелы к жизни. Веселее скользили лыжи во времена познания лесов. Быстрее через чистое поле пространство, скорее через сенокос с копнами

и зародами, скоком через ручей веретейку к суровому заснеженному ельнику, к чистым, широким дорогам и просекам, которые где-то пересечет, опятнает снежок-порошу на них куний нарыск****. Шустрее был ход. Но не спишешь его только на молодость. Думы донимают...

Огромная страна, великий народ мировыми финансовыми воротилами (читай: мировое зло) подвешены на весы существования. Развалив СССР, они не оставили нам даже названия Родины. Просто были зарегистрированы компании: Российская Федерация и Правительств. На 25 лет. Время вышло. После ядовитого желтого либерализма с пресловутой демократией нас опять как-то перерегистрируют. Центру мировых сделок и беззаконий (читай: слугам дьявола) неважно, в какой цвет окраситься. В красный, даже, но обязательно супротив православия, всего русского. У нас уже отняли флаг! К которому как-то стали привыкать. Пока у спортсменов с ограниченными физическими возможностями вообще запретили упоминать Россию - свою Родину...

- У нас мало времени, - шур-

шит лыжа. - Мало времени, - поддакивает другая. Шуршат, еберзят едкие мысли. Весь божий мир подвешен на волоске хваткими темными силами... И нашим безволием, соглашательством, предательством? Куплены страсть к наживе? Скрипят думы. Скрипит под лыжами сухой снег. Далеко зашел. Надо поворачивать. Лучше бы думами мозги и душу не шевелить. Шевели лыжами, отставник жизни. Двигай, но и ... думай! Мысли, облаченные в доброту и заботу, - твоя поддержка миру. Твоя «конфетка». Оно, конечно, в бриллиантовый день мысли были бы более пригожими. С красотой всегда приятнее и веселее. Положительнее. Но скрипи, в смысле - живи.

Жить. Не терять впустую ни одной чашечки дня. Стараться не терять. Часов ли в чудных подарках природы, суток ли в будничной серости. Не терять. Не книга жизнь, не перечитаешь. Разве что перелистаешь воспоминаниями. Не опускать времени миг во тьму. В могильный не возврат. Может, эти покаянные строки как-то выровняют чашечки весов. Своих весов. И природа вновь одарит чудными виденьями. Будем идти навстречу.

* Куржак - иней.

** Басота - красота; баско - красиво.

*** Угор - холм, горка, подъем вверх.

**** Нарыск - след хищного зверя; в данном случае куницы.